

В.Н. ДЁМИН,
доктор философских наук, член Союза писателей России

СКАЗ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ И РУССКОЙ АЗБУКЕ

В каком году пришла на Русь славянская письменность? Кто, не задумываясь, ответит на этот вопрос? Не задумываясь — должно быть, не всякий, а подумав — наверное, каждый сообразит, что о подвижнической деятельности Кирилла и Мефодия во славу славянской культуры говорится в самой древней русской летописи — «Повести временных лет». Под каким же годом? Откроем бессмертное творение черноризца Нестора, дабы убедиться, что перед нами ... одна из заманчивых загадок русской истории!

Солунские братья Кирилл (в миру Константин) и Мефодий составили первый вариант славянской письменности незадолго перед своей миссионерской поездкой в Моравию в 863 году. Отсюда же началось постепенное распространение — сначала глаголицы, а затем и кириллицы в православные страны — Болгарию, Сербию, Россию. На Руси, согласно летописным данным, новая азбука стала утверждаться, начиная с 898 года, то есть спустя четверть века. Именно под этим годом зафиксировал важнейшее для судеб русского народа событие Нестор-летописец.

Что же за год это такой — 898-й (или — лето 6406-е от Сотворения мира)? В общем-то достаточно заурядный — не случись то, что неизбежно когда-нибудь должно было случиться. На Руси шел 9-й год правления князя Олега, прозванного в народе Вещим. О его смерти от «коня своего» (в 912 году) каждый помнит с детства по хрестоматийной пушкинской балладе. Олег начал княжить в 879-м году в качестве регента при малолетнем сыне Рюрика — Игоре. (О последнем, кстати, хотя он и считался он законным преемником своего отца Рюрика, до самой смерти регента в летописи практически ничего не сообщается, кроме женитьбы, которую устроил все тот же Олег. В знаменитом договоре Олега с греками 912 года, заключенного после капитуляции византийцев нет ни слова о князе Игоре — номинальном властителе Киевской Руси, опекуном коего был Олег.). Блистательное правление Вещего князя продолжалось целых 33 года. Именно при нем Русь стала мировой державой: ее границы простерлись от моря и до моря, а княжий щит красовался над воротами поверженного Царьграда. И именно в эти годы русский народ обрел величайшее свое сокровище, по значимости превосходящее силу любого оружия, — **письменность!**

Факт, не подлежащий сомнению: летописная статья о создании славянской письменности сопряжена в «Повести временных лет» с правлением князя Олега Вещего, который ни при каких условиях не мог быть непричастным к сему воистину эпохальному событию отечественной истории, сравнимом разве что с принятием христианства.

Так почему же не славят Вещего князя за столь великий подвиг, не ставят ему памятники по всей Русской земле? И о достославном деянии вообще ничего не говорится в летописи. Почему? Быть может, говорилось раньше, но затем исчезло? По какой причине? Такое беспокойство вовсе не безосновательно. Как известно, в Несторовой летописи исторические сведения по многим годам отсутствуют вообще. Например, из 33-х лет правления Олега Вещего 21 хронологическая позиция оказывается пустой: цифрами обозначены

только даты, а информации никакой. Отчасти это можно объяснить утерей листов первичного текста — но только отчасти. Во всяком случае ничего общего с истиной не имеет мнение отдельных историков, что в течение пропущенных лет на Руси, дескать, ничего существенного не происходило. Ой ли! Скорее всего, наоборот: именно в эти годы произошло нечто такое, что заставило цензоров пустить в ход свою живодерную прыть. Не приходится особенно сомневаться, что большинство летописных лакун наверняка представляют собой следы бесславной деятельности позднейших редакторов и правщиков, с остервенением изымавших и уничтожавших в угоду правящим властям и по их прямому заданию обширные фрагменты текста. Так было всегда, и за примерами далеко ходить не надо.

Передо мной лежит томик публицистики Ивана Бунина «Окаянные дни», изданный в Туле в 1992 году, интересный не своим составом или полнотой, а другим: в нем курсивом выделены те места (в ряде случаев целые страницы), которые ранее считались «крамольными» и безжалостно купировались редакторами и составителями (в том числе и многотомных собраний сочинений), хотя касались таких светил литературы XX века, как Горький, Блок, Есенин, Маяковский, Алексей Толстой и др. Точно также поступали и с летописью Нестора: в ней изымались целые листы ранее написанного текста или же соскабливались с пергамента неугодные имена и факты.

Так что, думается, неспроста, перед летописной статьей, посвященной деятельности Кирилла и Мефодия, в «Повести временных лет» отсутствуют сведения по 10 годам правления князя Олега, а после нее пропущены еще 3 года. Попробуем же поразмыслить над этим фактом. Понятно, что никакого «самотека» в принятии и распространении славянской письменности (сначала глаголицы, быстро сошедшей на «нет», а затем и кириллицы) на Руси не было. Требовалось государственное решение, верховная поддержка, мудрость и воля авторитетного правителя. Именно таким и являлся князь Олег. Однако распространение славянской азбуки шло на христианской основе, связанной с переводом на русский язык священных и богослужебных книг. Олег же Вещий был язычником, более того, верховным волхвом и магом. Как установили специалисты-филологи, прозвище Олега — «вещий» — во времена Нестора отнюдь не означало «мудрый», а относилось исключительно к его склонности к *волхованию*. Другими словами, князь Олег был не только верховным правителем и предводителем дружины, но одновременно выполнял функции жреца, волхва, кудесника, чародея. За то, с точки зрения христианского летописца, и постигла его Божья кара — смерть «от змеи».

Потому-то совсем нетрудно «вычислить», отчего такая нелюбовь к Олегу-язычнику у христианских цензоров, «редактировавших» первоначальный текст «Повести временных лет». Видимо, в утраченных статьях достаточно подробно говорилось о его жреческой деятельности. Надо полагать, суровый князь-жрец и волхв, облаченный властью, не слишком потакал христианским миссионерам, которые пытались проникнуть на подвластные ему территории. Как вообще относились в те времена к христианским проповедникам славяне-язычники, хорошо известно из западноевропейских хроник. Балтийские славяне до обращения их в христианство расправлялись с католическими миссионерами жесточайшим способом. Не приходится сомневаться, что борьба не на жизнь, а на смерть происходила и на территории Руси. Возможно, не последнюю роль играл в этом и князь-жрец Олег. Но в том-то и состоит величие Олегова деяния: оставаясь непреклонным язычником, он сумел разглядеть в славянской

письменности, созданной двумя христианскими монахами, спасительный свет маяка на пути дальнейшего цивилизационного развития Российской Державы.

Вычеркнутое из летописей, невозможно было вытравить из памяти народной. Образ Вещего князя воплотился в таинственного былинного богатыря Вольгу, чьи имена — (В)ольга и Олег — фактически совпадают. Кроме того, в некоторых вариантах былины Вольга именуется Волх(в)ом, в полном соответствии с точным смыслом прозвища князя Олега Вещего:

*...А втапоры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просветил светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Как бы молодой Волх Всеславьевич:
Подрожала сыра земля,
Стряслось славно царство Индейское,
А и синее море сколыбалось...*

Происхождение исторического Олега Вещего — сплошная загадка. В «Повести временных лет» он назван родичем Рюрика («от рода ему суца»). В утраченной Иоакимовской летописи (дошедшей в пересказе В.Н. Татищева) уточняется: Олег — шурин, то есть брат одной из Рюриковых жен (другому доверять сына-наследника было рискованно). Он же подыскал впоследствии и жену Игорю на Псковщине. Звали будущую русскую святую Прекраса. Но Олег по какой-то причине переименовал ее в соответствии с собственным именем — Ольгой (у Нестора она поименована еще и Вольгой). В Иоакимовской летописи также подчеркивается: была Ольга-Прекраса не простого звания, а из Гостомыслова рода (Татищев в примечании уточняет: Ольга — внучка Гостомысла и родилась от его старшей дочери где-то под Изборском). Гостомысл же — новгородский старейшина (воевода), который, находясь в преклонных годах и не имея прямых наследников по мужской линии, пригласил на княжение в Новгород своего зятя Рюрика, мужа одной из трех дочерей — Умилы.

Неожиданный свет на все загадки и нестыковки проливает известие Типографской летописи, названной так потому, что один из ее наиболее известных списков первоначально принадлежал Синодальной типографии. Здесь прямо сказано, что будущая княгиня *Ольга была родной дочерью Олега Вещего*. В таком случае встает вопрос о степени родства и правах наследования власти между Гостомыслом и Олегом. Если принять интерпретацию Татищева: Ольга — Гостомыслова внучка от его старшей дочери, то неизбежно выходит, что отец этой дочери и есть вещий Олег. Следовательно, по правам своим Олег сравним с любым из представителей рода Рюриковичей. Этому нисколько не противоречит летописное сообщение о том, что Олег был родичем Рюрика, так как родственником можно быть и по линии жены. Тем самым не прерывался и род новгородского старейшины Гостомысла — главного инициатора приглашения в правители Рюрика. Что же стало с Умилой и ее детьми (если таковые вообще появились на свет) — теперь остается только догадываться. Гипотезы возможны самые невероятные. Для фантазии беллетристов здесь вообще безграничное поле деятельности. В целом же перед нами одна из волнующих и нераскрытых загадок далекого прошлого.

Смерть Олега окутана такой же непроницаемой тайной, как и его жизнь. Легенда о "гробовой змее", вдохновившая Пушкина, — лишь часть этой загадки. В отношении смертельного укуса змеи давно уже высказывалось

сомнение: в Приднепровье нет таких змей, чей укус в ногу, мог бы привести к смерти. Чтобы человек умер, гадюка должна укусить по меньшей мере в шею и прямо в сонную артерию. "Ну, хорошо, — скажет иной читатель с богатым воображением. — Для такого случая те, кто замыслил изощренное убийство князя, могли специально приобрести какого-нибудь заморского "аспида" и заранее спрятать его в черепе любимого Олегова коня". Но загадка смерти князя заключается совсем в другом.

Дело в том, что в Новгородской Первой летописи младшего извода (в отличие, к примеру, от Лаврентьевской) история смерти Вещего Олега излагается иначе. Чтобы не быть голословным, процитирую данный фрагмент полностью: *"И прозваша и [так!] Олга вещии; и бяху людие погани иневегласи. Иде Олег к Новгороду, и оттуда в Ладогу. Друзии же говорят, яко идуцю ему за море, и уклюну [укусила] змиа в ногу, и с того умре: есть могила его в Ладозе"*. В этих трех строчках целый букет невероятных загадок. Оказывается, умер князь Олег в Ладоге по дороге в Новгород. Напомню, согласно Ипатьевской летописи, Старая Ладога — первая столица (еще до Новгорода и Киева) Державы Рюриковичей. Именно здесь и похоронили Олега, коему прямые потомки Рюрика обязаны укреплением собственной власти и распространением ее на другие русские земли. Здесь же и его могила, которую, кстати, экскурсоводы показывают немногочисленным туристам и поныне (правда, археологические раскопки на сем месте не производились, и сама "могила" носит, скорее, символический характер). Далее: новгородский летописец не отрицает смерти Олега от укуса змеи, но делает важное уточнение, которого нет у Нестора: змея укусила ("уклюнула") Олега не на днепровском или волховском берегу, а "за морем"! Действительно, "за морем" — но только не Балтийским (Варяжским) или Белым — есть немало змей (не чета нашим гадюкам), от укуса которых можно скончаться на месте. В Новгородской летописи однако сказано, что после укуса Олег "разболелся". Если совместить Несторову летопись с Новгородской, то получится: князя привезли из-за моря смертельно больным, и он пожелал умереть на родине.

В таком случае возникает вопрос: за каким таким далеким и теплым морем пребывал князь Олег и что он вообще там делал? В общем-то на сей счет гадать особенно не приходится: путь "из варяг в греки" был проложен давно и шел он через Черное море в Византию. Олег не раз бывал в Царьграде, здесь он подписал (и именно в год смерти) и свой знаменитый договор с греками. Так не подпустили ли русскому князю хитроумные потомки Одиссея "аспида" вместе с текстом договора? Впрочем, излюбленным орудием византийцев при расправе с неудобными был и обыкновенный яд: его подсыпали в пищу или накапывали в вино. Ну, а потом уже все можно было свалить и на "аспида". Но и на этом загадки Олеговой смерти не исчерпываются, ибо ее конкретные даты в Новгородской и Несторовой летописях абсолютно не совпадают. Разница — трудно поверить! — в целых десять лет: по Нестору Олег умер в лето 6420-е (912-й год), а согласно Новгородскому летописцу — в лето 6430-е (922-й год). Как прикажете понимать? И кому прикажете верить? Лично я верю Новгородской летописи.

Деяния Олега Вещего как верховного правителя созданной им Державы — сплошная череда героических подвигов, которая увенчалась беспримерными историческими событиями в истории Руси: и тем, что вещий князь прибил щит победителя над воротами Царьграда, и тем что именно во время его правления получила хождение русская азбука. После его смерти процесс дальнейшего

формирования Державы Рюриковичей сделался уже необратимым. О бесспорных заслугах в этом деле Вещего Олега, думается, лучше всего сказал Н.М. Карамзин: «Мудростью Правителя цветут государства образованные; но только сильная рука Героя основывает великие Империи и служит им надежною опорою в их опасной новости. Древняя Россия славится не одним Героем: никто из них не мог сравняться с Олегом в завоеваниях, которые утвердили ее бытие могущественное». Сильно сказано! И главное — правильно! Вот только где же эти герои в наши дни? Где созидатели? К несчастью, последнее время у нас перед глазами мелькали одни разрушители...

Так склоним же голову в знак неоплатной признательности перед великим сыном Земли Русской — Вещим Олегом: одиннадцать веков назад князь-язычник и воитель-жрец сумел подняться над собственной религиозно-идеологической ограниченностью во имя культуры, просвещения и великого будущего народов России, которое стало неизбежным после обретения ими своего священного сокровища — славянской письменности и русской азбуки.

Опубликовано в еженедельнике «Литературная Россия» за 2000 год, № 38.